

Чернышова Евгения Владимировна, Соискатель,
Московский государственный институт культуры
Chernyshova Evgeniya Vladimirovna, applicant,
Moscow State Institute of Culture

**АНТИПОЗИТИВИСТСКИЙ ХАРАКТЕР РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
КАК ЕЕ ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ЧЕРТА
ANTIPOSITIVIST CHARACTER OF RUSSIAN PHILOSOPHY
AS ITS TYPOLOGICAL FEATURE**

Аннотация: В статье на основании реконструкции взглядов некоторых русских философов на вопросы взаимоотношения науки и философии, веры и разума раскрывается антипозитивистская направленность отечественной философской культуры.

Abstract: The article, based on the reconstruction of the views of some Russian philosophers on the relationship between science and philosophy, faith and reason, reveals the anti-positivist orientation of Russian philosophical culture.

Ключевые слова: Русская философия, наука, философия, веры, разум, позитивизм.

Keywords: Russian philosophy, science, philosophy, faith, reason, positivism.

Вопрос о русской философии – весьма неоднозначный и часто драматичный вопрос: ее скорее отрицали, нежели признавали ее оригинальность и самостоятельность. Это хорошо видно по тому, как Запад воспринимает русскую философию. Точно об этом сказал В. Н. Ильин в третьей части своей фундаментальной трилогии о русской культуре, посвященной как раз русской философии. «На Западе, – пишет он, – сравнительно легко примирились с достижениями русской литературы и русской музыки. Значительно труднее европейцу признать существование научной мысли и значительных достижений в области технического знания в России. И совершенно не может западный человек допустить существования в России заслуживающей внимания философской мысли или же богословско-метафизических достижений или открытий» [6, с. 16].

В этом смысле поиск самобытных характеристик русской философии вопрос открытый. Остановимся на такой ее черте как антипозитивистская и антисциентистская направленность. Наука по преимуществу есть род рациональной деятельности. Соответственно, *отношение к рационализму* в русской философии будет во многом определять и ее отношение к науке. Принято считать, что русская философия *сверхрациональна*, ее особенности связаны, как показал В. Ф. Эрн в работе «Нечто о Логосе, русской философии и научности», с восточнохристианским Логосом, противостоящим западному Ratio. Здесь философ выделяет три черты, оригинально характеризующие русскую мысль: *онтологизм, глубокая и коренная религиозность и персонализм*.

Противопоставляя Ratio и Логос, В. Ф. Эрн раскрывает существенные отличия русской философии от западной. Он пишет: «Ratio есть попытка неверного и не всецелого самоопределения мысли. Живая стихия мысли, обладающей действительной автономией внутреннего, ничем внешним не обусловленного самоопределения, в концепции рационализма превращается в мертвую *схему суждения*, лишенную всякой активности, всякого внутреннего «начала движения» [12, с. 77].

Это положение многое объясняют и в характере русской философии, и в характере русской культуры, которые, бесспорно, были чужды западному рационализму и западной прагматике, во многом с ним связанной. Современные авторы говорят в сходной тональности.

Антипозитивизм русской философии, как отмечает И. В. Демин, есть общий знаменатель для многих ее представителей: «Речь идет не только об учениях, которые были инспирированы русским славянофильством и «метафизикой всеединства» Вл. С. Соловьева, но и о концепциях, создававшихся на обочине философского «мейнстрима» данного периода (персонализм и спиритуализм Л. М. Лопатина и С. А. Аскольдова, «философия общего дела» Н. Ф. Федорова и его последователей, русский марксизм, герменевтическая феноменология Г.Г. Шпета» [4, с. 102].

В русской философии, тем самым, был провозглашен «поворот к метафизике» для защиты метафизики от нападок позитивизма [11, с. 143]. Один из первых и главных авторов антипозитивистской линии, осознавших *абсурд мертвого механистического мира*, созданного научным детерминизмом, основывающимся на «законах природы», был, безусловно, Ф.М. Достоевский. Очень точно это понял современный японский исследователь Достоевского К. Накамура. В книге «Чувство жизни и смерти у Достоевского» он пишет: «Сам Достоевский, так же как Иван, испытывал нестерпимое отвращение и страдание, замороженный **гипнозом мертвой природы** (выделено – Е.Ч.), бессмысленно и бесконечно повторяющейся. Он чувствовал, что выработанное наукой понятие о сущности космоса и природы в конечном счете сводится к колоссальному механизму смерти. Поэтому он отверг рациональное естествознание, в основе которого лежит принцип “дважды два четыре”» [10, с. 22-23].

Это очень точное выражение глубинного мирозерцания Достоевского: наука создает мир, в котором нет и не может быть человека, потому что этот мир не для человека, это мир смерти, в котором невозможно никакое позитивное человеческое действие. *Природа – законы – смерть – бессмысленность существования*: такова «причинно-следственная» цепочка, создаваемая научным детерминизмом. Известный литературовед К. Мочульский, исследуя творчество писателя, его героев-самоубийц, делает важное заключение, согласующееся с выводами японского исследователя. «Если смерть есть закон природы, – пишет К. Мочульский, – тогда бессмысленно всякое доброе дело, тогда все безразлично – даже преступление» [9, с. 400].

В этом отношении к *законам природы* как основания науки заключена главная глубоко *антипозитивистская* мировоззренческая позиция Ф. М. Достоевского, повлиявшая на всю дальнейшую русскую философию. Критика научной картины мира, из которой устранено человеческое присутствие находит свое развитие у А. Ф. Лосева, особенно в его книге «Диалектика мифа». В этой фундаментальной работе утверждается принципиальная антипозитивистская идея о *мифологичности науки*. Наука не есть высшее и последнее слово, за которым абсолютная истина, а догма, верование, квази-религия.

Ярко, образно, личностно, эмоционально, но точно и глубоко пишет А. Ф. Лосев о мифологичности науки. «Механика Ньютона, – пишет философ, – построена на гипотезе однородного и бесконечного пространства. Мир не имеет границ, т. е. не имеет формы. Для меня это значит, что он – бесформен. Мир – абсолютно однородное пространство. Для меня это значит, что он – абсолютно плоскостен, невыразителен, нерельефен. Неимоверной скукой веет от такого мира. Прибавьте к этому абсолютную темноту и нечеловеческий холод междупланетных пространств. Что это как не черная дыра, даже не могила и даже не баня с пауками, потому что и то все-таки интереснее и теплее и все-таки говорит о чем-то человеческом. Ясно, что это не вывод науки, **а мифология, которую наука взяла как верование и догмат**» (выделено – Е.Ч.) [8, с. 405].

Аналогичные мысли с той или иной степени вариативности высказывали многие русские философы. В том числе С. Н. Булгаков в «Свете Невечернем», П. А. Флоренский в «Столпе и утверждении истины», В. В. Зеньковский в «Основах христианской философии» и

«Апологетике», Н. А. Бердяев в «Опыте парадоксальной этики», И. А. Ильин в «Пути к очевидности», Л. Шестов в «Афинах и Иерусалиме» и т. д.

Наиболее радикальные мысли в защиту свободы против различных объективации, в том числе и научной, высказаны Н. А. Бердяев. Философия свободы, защита свободы человеческого духа – основные темы его работ. Много серьезного внимания он уделяет вопросу взаимоотношений философии, науки и религии. Этот вопрос стал весьма актуальным в новое время, поскольку с ростом научного знания философия попадает под власть науки, утрачивая свою автономию. Современное ему положение философии он описывает в терминах деградации и трагедии.

Деградация философии в том, что она хочет быть наукой и попадает в рабскую зависимость от науки. В средние века философия была служанкой теологии, сейчас она служанка науки [1, с. 23]. Философия, полагает Н. А. Бердяев, есть особая сфера духовной культуры, отличная от науки и религии. Но эти отличия не всегда очевидны, и происходит утрата философией своей независимости и построения ее по типу науки и религии. Чтобы этого не происходило необходимо знать содержание этих областей культуры, связанных между собой, но при этом глубоко различных.

Крупный русский философ С. Н. Булгаков также много внимания уделал вопросам взаимоотношения философии, науки и религии, однако, решал их несколько в ином ключе, нежели Н. А. Бердяев. Если для последнего трагедия философия в том, что она попадает в рабство у науки, то для С. Н. Булгакова в том, что она автономизируется от религии. Этому посвящена его книга, которая так и называется «Трагедия философии». Это касается, прежде всего, рационалистической философии, в которой произошло самообожествление разума.

Новейшая рациональная философия есть основания и науки, которые присвоили себе право на абсолютную истину. С. Н. Булгаков пишет: «Здесь оспариваются и отвергаются лишь притязания рационализма на построение единой, абсолютной, насквозь прозрачной системы мира, т. е. то именно притязание, которое составляло и составляет – то в воинствующих и самоуверенных, то в подавленных и меланхолических тонах – душу всей новой философии от Декарта, а предельное и классическое выражение получило в Гегеле» [2, с. 327-328].

Основные идейные константы по отношению к вопросам разума и веры, науки и религии находят свое продолжение в творчестве крупнейшего русского религиозного философа и историка русской мысли В. В. Зеньковского. В «Основах христианской философии» он говорит о таком парадоксальном феномене как атеистической вере: «атеисты *верят* в свое неверие, т.е. религиозно относятся к самому отрицанию всякого *Jenseits*, фанатически и сектантски, горячо и страстно, т.е. абсолютизируют свое утверждение отсутствия всего абсолютного» [5, с. 50].

«Вера в неверие» – интереснейшее морально-психологическое явление, характерное именно для научного мира, вопреки его утверждаем об обратном – о фанатизме религиозной веры. Конечно, такие случаи имеет место и в религии, но они как правило характеризуют сектантское, то есть маргинальное религиозное сознание, в то время как позитивистская вера в непогрешимость науки – общее место среди ученых.

Впечатляющая картина человеческого бытия, его духовного смысла существования представлена в книге выдающегося русского философа И. А. Ильина «Путь к очевидности». Здесь много глубоких мыслей о культуре, духовности, науке, тайне, познании, доброте и прочих высших и предельных ценностях для человека. Особенно важен раздел книги «Потерянная тайна», который можно было бы назвать *Гимном Тайне!* Тайне мироздания, которое есть предмет религии, философии и подлинной науки, которую И. А. Ильин называет «трезвой и разумной наукой», противопоставляя ее «заносчивой и скудоумной полунаукой».

Эта «полунаука», получившая большое распространение в обществе, и есть позитивизм. И. А. Ильин пишет: «Отсюда возникала так называемая «традиция позитивизма», согласно которой настоящий и строгий исследователь обязан устранять всякую «мистику», сводить всякое явление к его простейшим элементам и причинам, не дивиться на чудеса мироздания, разлагать все таинственное, лишать его всякого священного ореола и объяснять ее строгими и общими законами, разочаровывая и отрезвляя наивных людей» [7, с. 527].

Философское творчество И. А. Ильина – это полновзвучный аккорд русской философии, в котором воплотились все ее сущностные характеристики, в том числе и по отношению к науке, а именно, антипозитивистский настрой, деление науки на подлинную и неподлинную, критика секулярной (бессердечной) культуры, метафизика тайны, духовное преображение разума.

Подводя итог краткому рассмотрению антипозитивистской установке русских философов, нужно сказать, что *скепсис по отношению к научному разуму* имеет глубинные архетипные черты, присущие русской ментальности. Несмотря на огромные достижения в научной сфере, где-то на подсознательном уровне этот скепсис все же сохраняется. Н. В. Гоголь, много понявший в русском человеке, понял и эту его особенность, когда сказал: «Ум не есть высшая в нас способность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть. Он сам не двинется вперед, покуда не двинутся в нас все другие способности, от которых он умнеет. Отвлеченными чтеньями, размышленьями и беспрестанными слушаньями всех курсов наук его заставишь только слишком немного уйти вперед; иногда это даже подавляет его, мешая его самобытному развитию» [3, с. 231].

Эти слова из «Выбранных мест из переписки с друзьями» можно было бы сделать эпиграфом к разделу об антипозитивистском характере русской философии и культуры.

Таким образом, можно заключить, что для русской философии характерен *антисциентистский настрой*. Он направлен не против науки, а против *идолопоклонства науке*, превращения науки в религию, против научной веры, веры в неверие, а также против *механистического* мертвого мира без человека. Этот опыт русской философии представляется важным в условиях современной дегуманизации общества и культуры.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
2. Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Соч. в двух томах. М.: Наука, 1993. Том 1. С. 311-519.
3. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. М.: Худож. лит., 1978. Т. 6. С. 184-381.
4. Демин И.В. Понятие «научное мировоззрение» в русской философии первой четверти XX века (на материале работ В.И. Вернадского и Л.М. Лопатина) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. №1. С. 101–113.
5. Зеньковский В.В. Христианская философия. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1072 с.
6. Ильин В.Н. Русская философия. М.: Летний сад: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2020. 778 с.
7. Ильин И.А. Путь к очевидности. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. – С. 381-561.
8. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. С. 393-600.
9. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика. 1995. – 607 с.

10. Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 328 с.

11. Солдатов А.В. Наука и религия в русской религиозной философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 2. С. 142-146.

12. Эрн В.Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В.Ф. Сочинения. М.: Правда, 1991. С. 71-109.

